

О милых спутниках, которые наш свет

Своим спутствием для нас животворили,

Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностью: были.

Кому посвящены эти строки Жуковским, такие грустные и вместе с тем светлые? Неизвестно. Спутников, милых сердцу поэта, которых довелось ему пережить, было немало.

Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль,
И, внемля им, вздохнет о славе
младость,
Утешится безмолвная печаль
И резвая задумается радость, —

писал о поэзии Жуковского Пушкин.

Они встретились впервые в начале осени 1815 года — учитель и ученик. «Это надежда нашей словесности», — напишет Жуковский П. А. Вяземскому.

Так началась дружба двух поэтов, продолжавшаяся более двадцати лет, до самой смерти Пушкина. Дружба, знавшая взлеты и падения, радость и печаль.

Самым отрадным днем было 26 марта 1820 года: день окончания Пушкиным «Руслана и Людмилы». «В тот высокосторжественный день» он получает от Жуковского портрет с надписью: «Победителю ученику от побежденного учителя».

Жуковский нежно любил Пушкина и гордился его талантом, стремился всячески быть полезным гениальному ученику.

«Ты создан попасть в боги — вперед. Крылья у души есть! Вышине она не боится, там настоящий ее элемент! дай свободу этим крыльям, и небо твоё. Вот моя вера», — пишет он.

Встревоженный известием о болезни Пушкина, Жуковский в апреле 1825 года пишет ему: «Согласись, милый друг, обратить на здоровье свое то внимание, которого требуют от тебя твои друзья и твоя будущая прекрасная слава, которую ты должен, должен, должен взять... Дорога, которая перед тобою открыта, ведет прямо к великому, ты богат силами...»

И вот письмо, адресованное Сергею Львовичу Пушкину, отцу поэта: «Нашего Пушкина нет! Это, к несчастью, верно; но все еще кажется невероятным Мысль, что его нет, еще не может войти в порядок обыкновенных, ясных ежедневных мыслей. Еще по привычке продолжаешь искать его, еще так естественно ожидать с ним встречи в некоторые условные часы; еще посреди этих разговоров как будто отзывается его голос, как будто раздаётся его живой, веселый смех, и там, где он бывал ежедневно, ничто не переменялось, нет и признаков бедственной утраты, все в обыкновенном порядке, все на своем месте; а он пропал, и навсегда — непостижимо»

Так написать мог человек, для которого при отчетливом сознании того, чем был Пушкин для России, смерть его все же была прежде всего личной потерей.

Побежденному учителю выпала горькая участь пережить победившего его ученика. Судьба нарушила установленный веками порядок, когда ученик первым знакомится с творениями учителя, отошедшего в иной мир: с произведениями ученика знакомился переживший его учитель — Жуковский разбирал пушкинские рукописи.

По указанию императора шеф жандармов А. Х. Бенкендорф приставил к Жуковскому генерала Л. В. Дубельта — якобы для помощи, а по сути говоря — для надзора. Жуковскому не доверяли да-

200 лет
со дня
рождения

же в этом! Бенкендорфу донесли о том, что Василий Андреевич якобы вынес из кабинета Пушкина какие-то бумаги. Императором было дано указание разбиравшим рукописи поэта незамедлительно сжечь все, что окажется предосудительным. Мог ли поступить так Жуковский? Ему не удалось сохранить для России Пушкина, но он должен был сохранить его творения.

Вскоре после окончания разбора пушкинских рукописей Жуковский обращается к Бенкендорфу с письмом, в котором правдивым и негодующим пером воссоздает картину преследования гениального поэта — как светским обществом, так и властью предрешенными, в том числе и самим шефом жандармов:

«Его служба была его перо, его «Петр Великий», его поэмы, его произведения. Для такой службы нужно свободное уединение. Какое спокойствие мог он иметь с своею пылкою, огорченною душою, с своими стесненными домашними обстоятельствами, посреди того света, где все тревожило его суетность, где было столько раздражительного для его самолюбия, где, наконец, тысячи презрительных сплетней, из сети которых не имел он возможности вырваться, погубили его».

Вся горечь, вся злость, накопившиеся в душе Жуковского, выплеснулись в письме к шефу жандармов: «Каково же было положение Пушкина под гнетом подобных запрещений?.. Вы называете его и теперь демагогическим писателем. По каким же его произведениям даете вы ему такое имя?.. И какие произведения его знаете вы, кроме тех, на кои указывала вам полиция и некоторые из литературных врагов, клеветавших из него тайно? Ведь вы не имеете времени заниматься русскою литературою и должны в этом случае полагаться на мнение других».

При ближайшем участии Василия Андреевича свет увидело первое собрание сочинений Пушкина — посмертное...

Близким другом Жуковского был и Ни-

колай Васильевич Гоголь. Они познакомились в 1830 году. Много лет спустя в письме к Василию Андреевичу Гоголь вспоминал: «Вот уже скоро двадцать лет с тех пор, как я, едва вступавший в свет юноша, пришел в первый раз к тебе, уже совершившему полдороги на этом поприще... Как был благосклонно-любовен твой взор!.. Что нас свело, неравными годами? Искусство. Мы почувствовали родство, сильнейшее обыкновенного родства. От чего? От того, что чувствовали оба святыню искусства».

Жуковский неизменно был одним из первых читателей и ценителей творений Гоголя. Посылая Жуковскому только что вышедший из печати первый том «Мертвых душ», Гоголь писал: «Ради бога, сообщите мне ваши замечания. Будьте строги и неумолимы как можно больше. Вы знаете сами, как мне это нужно...»

И Гоголь высоко ценил поэтический талант Жуковского, его «легкий, воздушный стих», порхающий, как «неясный звук Золовой арфы». В 1846 году он писал:

ПОЭЗИИ

СЛУЖИЛ...

ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ ЖУКОВСКИЙ: СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

«Слава богу, еще здравствует сам патриарх нашей поэзии, еще небо хранит нам Жуковского. В награду за безукоризненную, чистую жизнь ему одному из всех нас дано почувствовать свежесть молодости в старческие лета и силу юности для дела поэтического. Его нынешние труды далеко полновесней и значительней прежних».

У Жуковского было много близких знакомых и друзей среди декабристов. Он знал о существовании тайного общества в России и на протяжении многих лет никому не обмолвился об этом, сохраняя доверенную ему тайну.

Вспоминая о своей дружбе с Жуковским, Кюхельбекер незадолго до смерти писал: «Ребенком я изучал его стихотворения: они согрели мое сердце, питали воображение... В 1817 году привел меня к нему покойный Гнедич... И он полюбил меня, он удостоил меня своей дружбы».

В конце 1823 года, преследуемый властями, в подавленном состоянии духа Кюхельбекер помышляет о самоубийстве. Узнав об этом, Жуковский обращается к нему с письмом, в котором, осуждая это намерение, призывает молодого поэта к активной борьбе со злом, к жизнелюбовию и стойкости:

«Те мысли, которыми вы наполнены, весьма свойственны человеку с чувством и воображением; но вы любите питать их — я этого не оправдываю! Такого рода расположение не достойно человека.

По какому праву браните вы жизнь и почитаете себя дозволенным с нею расстаться!.. Вы можете быть деятельным с пользою, а вы бросаетесь в область теней и с какою-то гордостью смотрите оттуда на существование, могущее для вас быть прекрасным. — Составьте себе характер, составьте себе твердые правила, понятия ясные; если вы несчастны, боритесь твердо с несчастьем, не падайте — вот в чем достоинство человека!»

После десятилетнего заключения в казематах пяти крепостей Кюхельбекер напоминает Жуковскому о себе письмом из далекой Сибири: «Из всех, кто знал и любил меня — юношу, почти отрока, в живых очень, очень немногие, а вы в числе этих немногих из писателей для сердца моего занимаете первое место».

Несмотря на гонения судьбы, Кюхельбекер по-прежнему хранил в душе любовь к поэзии. Единственной просьбой поэта было разрешить печатать его творения — пусть далеко не все, пусть даже без имени автора.

Скрепя сердце Жуковский обращается к всеильному шефу жандармов: «Писать для изгнанника, если только он для того имеет талант, есть великое нравственное лекарство; оно поддержит душу от совершенного упадка... Мне кажется, было бы несправедливо отказать в этом Кюхельбекеру». Однако поэту было отказано — Николаем I...

Воспитатель наследника престола, придворный, сановник — и друг, близкий зна-

комый, товарищ гонимых произволом самодержавия, несправедливо осужденных, находящихся на подозрении у властей. Приезжавшим в Россию иностранцам этот стойкий и независимый человек казался главой целой партии, находившейся в оппозиции к правительству.

Нельзя не восхищаться мужеством Жуковского, смело отстаивавшего перед императором преследуемых и угнетенных властями, хотя это постоянно навлекало на него гнев Николая I.

«Скажи мне, с кем ты знаком, и я скажу, кто ты», — не случайно в одном из разговоров с Жуковским вспоминает эту пословицу император: Василий Андреевич ходатайствовал об одном из близких своих друзей, Николае Ивановиче Тургеневе, сыгравшем видную роль в движении декабристов и жившем в изгнании — в России он был приговорен к смертной казни, замененной вечной каторгой.

«А за тебя кто поручится?» — ядовито спросил император Жуковского, когда тот объявил, что ручается за Ивана Васильевича Киреевского, молодого писателя, редактировавшего журнал «Европеец», закрытый по распоряжению Николая I.

На века эта слава с Василием Андреевичем Жуковским: слава большого русского поэта, поборника истины и справедливости.

Корней АЛЕКСЕЕВ.